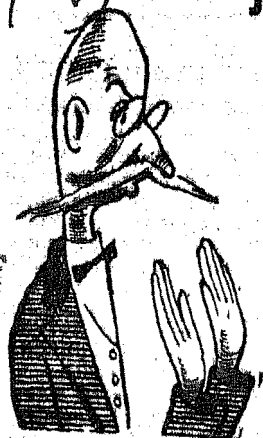

ВСТРЕЧА С ГЕРОЯМИ ЛЮБИМОЙ КНИГИ

БАННЫЙ РАБОТНИК

Г. Бачу

СПЕКТАКЛЬ
«12 СТУЛЬЕВ»
В ПОСТАНОВКЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЛШЕБНОГО
ТЕАТРА
КУКОЛ

Князь Воробьянинов,

«Великий комбинатор».

Ба! Знакомые все лица!

Мы предвкушали то удовольствие, с каким произнесем эту фразу на спектакле Ленинградского театра кукол «12 стульев». Еще был Встреча с героями чудесного сатирического романа И. Ильфа и Е. Петрова, с героями, шагнувшими со страниц книги на театральные подмостки, сулило много смеха, много радости, которую всегда приносит настоящее искусство, а тем более искусство, окрашенное тонким юмором и едкой сатирой.

Мы не оговорились, упомянув о театральном подмостке. Куклы давно стали на нашей советской эстраде артистами, «умеющими» создавать сложные, многогранные образы, а взрослые дяди и тети также давно перестали стесняться ходить в кукольный театр и заразительно смеяться там, где не смеяться невозможно.

В общем, притягательная сила романа и вера в неограниченные артистические «способности» кукол привела к тому, что на спектаклях единственными свободными стульями в зале были те самые, выстроившиеся у рампы двенадцать гамбсовских стульев, в погоню за которыми ринулись герои представления.

Зритель не обманулся в своих ожиданиях — это можно сказать с чистым сердцем. В куклах, созданных по замечательным эскизам художницы В. Малахеевой, мы узнали своих старых знакомцев — и длинноносого, сухого как палка, подержанного старгородского льва Ипполита Матвеевича Воробьянинова, и не в меру предприимчивого отца Федора, и трусоватого жулика измаина Кислярского, и одноглазого главу шахматной общестественности Васюков и многих, многих других персонажей романа Ильфа и Петрова. Может быть только Остапа Бендера — «великого комбинатора» мы представляли себе несколько иначе, но и эта кукла стала «входить в роль» по мере того, как разворачивалось действие.

Мы аплодировали искусству постановщика, порадовавшего нас изощренной выдумкой, и таланту художника-декоратора. Мы восхищались решениями таких сцен, как посещение Остапом Бендером воробьяниновского особняка, населенного тихими, похожими на мышей старушками и «брателыниками» воробьяного завхоза Альхена, или

бегство «концессионеров» от разъяренных васюкинских шахматистов, или невообразимый сверхноваторский спектакль театра Колумба...

Со спектакля мы уходили с чувством благодарности к театру, к инсценировщику и постановщику «12 стульев» заслуженному деятелю искусств РСФСР М. М. Королеву, ко всем, кто немало потрудился, чтобы в зале было весело.

Конечно, не все в спектакле одинаково удалось, не всегда равноценны книга и инсценировка, да и трудно было этого ожидать. Какне-то потери тут неизбежны. Но кое-что надо было поправить. Не случайно огромный успех в этом спектакле выпадает иной раз на долю второстепенных персонажей, таких, как, например, дирижер в театре Колумба. И пожалуй наибольшая неудача постигла театр в таком, казалось бы, рожденном для осмеяния в кукольном театре персонаже, как людоедка Эллочка. Так получилось потому, что, как это ни парадоксально, а людоедка Эллочка со своим лексиконом в тридцать слов в спектакле только разговаривает; а жест, поза, движение — основа выразительного языка кукольного театра — почему-то не использованы.

Блестяще найденная идея разрешения картины турнира в Васюках, к сожалению, слабо развита и не оставляет того впечатления, которое можно было бы ожидать, хотя эта сцена в спектакле и наиболее «постановочна».

Спектакль страдает и некоторой затянutosтью, ряд сцен можно было бы безболезненно исключить, усилив динамику действия.

Все это, впрочем, частные замечания. Важнее другое, — театр сумел сохранить в спектакле сатирический заряд романа. Эту острую, боевую, воющую против косности и стяжательства, головотяпства и тупости силу произведения мы ощущаем в полной мере, и, поэтому, вряд ли нужно было «помогать» зрителю оценить героев, как они этого заслуживают, вступительными и заключительными кадрами своеобразной мультипликации.

Гр. ОГНЕВ,

Хор старушек.

19 ИЮЛ 1980